

мат-м?

Библиографический отделъ.

(8/4)

119

литературъ. За принадлежность пяти стихотвореній К. Р. и стихотво-
реній г. Алексѣя Ямичушкина слѣдуютъ три разсказа нашего
высокопоставленнаго сотрудника А. П. Чехова: *Ораторъ*, *Несостоя-
тельность* и *Въ банѣ*. Всѣ три разсказа — шуточные, но были чита-
тели, да и все читающая Россія, знаютъ, какой мастеръ А. П.
Чеховъ въ умную и незлобивую шутку, которою часто прикрывается
очень серьезная и всегда гуманная мысль. Последнее изъ книгъ по-
вѣствованіе подписано славнымъ именемъ графа Льва Николаевича
Толстого. Въ 1881 г. Н. И. Костомаровъ издалъ малороссійскую ле-
генду *Сорокъ лѣтъ*. Въ „легендѣ“ разсказывается, что нѣкто Трофимъ
Семоновичъ убилъ купца, разбогатѣлъ на ограбленные деньги и жи-
ветъ въ довольствіи и спокойствіи. При совершеніи преступленія онъ
слышалъ голосъ, угрожающій ему наказаніемъ черезъ сорокъ лѣтъ. Съ
приближеніемъ этого срока Трофимъ начинаетъ мучиться и во всемъ
признается сыну. Сынъ совершенно успокаиваетъ его, увѣривши, что
бояться нечего, что не существуетъ никакихъ наградъ и не бываетъ
никакихъ наказаній, такъ какъ „нѣтъ ни Бога, ни души“. Старикъ
успокаивается и доживаетъ свой вѣкъ спокойно, безъ тревогъ и печа-
лей. Такимъ образомъ, по „легендѣ“, наказаніе совершилось въ назна-
ченный срокъ полною утратой вѣры и закончилось безболѣзненною,
визаншою смертію „нераскаивающаго грѣшника“. Гр. А. П. Толстой да-
етъ этой „легендѣ“ новое, свое, окончаніе, болѣе соответствующее при-
родѣ человѣка, болѣе правдивое и производящее по нѣ примѣръ болѣе
сильное впечатлѣніе. Послѣ разговора съ сыномъ, убійца успокаивает-
ся, но лишь на очень короткое время. Бѣда онъ легъ спать въ своей
комнатѣ, какъ началось его наказаніе. „Нѣтъ Бога, нѣтъ души, нѣтъ
наказаній! — разсуждаетъ онъ самъ съ собою. — Какъ хорошо, какъ по-
койно! И какъ много и долго и понапрасну мучилъ себя. Всѣ борются
другъ съ другомъ, всѣ губятъ другъ друга, чтобы жить, какъ это ска-
зали Александръ. Борьба за существованіе — вотъ законъ. И другого
нѣтъ. И мы Богъ даль быть побѣдителемъ. Богъ далъ! Все остается
эта глупая правдочка. Но Богъ какой-то далъ, а я сумѣлъ быть побѣ-
дителемъ: вотъ мы и хорошо. И великій борись, а кто побороде, поль-
зуйся ея побѣдой. Я побороде и пользуюсь... И вотъ, мало-по-малу,
онъ доходитъ до такой мысли, что и другіе захотѣть воспользоваться
и поступить такъ же точно, какъ онъ поступилъ. Его сынъ, Александръ,
напримѣръ, нахвально, желаетъ получить его богатство, а слѣдательно
долженъ желать его смерти, а если желаетъ, то и можетъ убить
его или отравить, такъ какъ нѣтъ Бога, нѣтъ и никакого суда нѣтъ,
кромя людскаго, котораго легко обмануть, дѣйствуя осторожно. Вотъ
тутъ-то и начинаются жестокия мученія стараго Трофима, изображен-
ныя съ тѣмъ необычайнымъ мастерствомъ, съ какими гр. Толстой умѣ-
етъ описывать душевныя состоянія страдающихъ людей. *Послѣднимъ*,
Трофимъ дожилъ свой вѣкъ въ довольствіи и почестяхъ и похороненъ съ
большою честью. „Никто, кроме Бога, не знаетъ о преступленіи Тро-
фима, ни о томъ, какое наказаніе постигло его съ той минуты, какъ
онъ потерялъ въ себѣ Бога“. Изъ множества другихъ разсказовъ мы
отмѣтимъ: *Сокъ*, Н. И. Златовратскаго, *Нужда*, „наброски нѣтъ жизни не-
расселенцевъ“, Н. Д. Теломова, *Тыль*, „изъ одного дневника“, А. Мель-
ниина. Прекрасную статью, *П. С. Мочаловъ изъ жизни и на сценѣ*,
далъ А. П. Сумбатовъ, какъ большой артистъ и талантливый раскато-
отлично понимающій, въ чемъ, почему и какъ складывается гениальность
великаго русскаго трагика. Въ высокой степени интересна характери-

литературъ. За приведеннымъ нами стихотвореніемъ К. Р. и стихотвореніемъ г. Алексѣя Жемчужникова слѣдуютъ три разсказа нашего высокоталантливаго сотрудника А. П. Чехова: *Ораторъ*, *Неосторожность* и *Въ банѣ*. Всѣ три разсказа — шуточные, но наши читатели, да и вся читающая Россія, знаютъ, какой мастеръ А. П. Чеховъ на умиую и незлобивую шутку, которую часто прикрывается очень серьезная и всегда гуманная мысль. Последнее въ книгѣ повѣствованіе подписано славнымъ именемъ графа Льва Николаевича Толстого. Въ 1881 г. Н. И. Костомаровъ издалъ малороссійскую легенду *Сорокъ лѣтъ*. Въ „легендѣ“ разсказывается, что нѣкто Трофимъ Семеновичъ убилъ кунца, разбогатѣлъ на ограбленныхъ деньги и живетъ въ довольствѣ и спокойствіи. При совершеніи преступленія онъ слышалъ голосъ, угрожавшій ему наказаніемъ черезъ сорокъ лѣтъ. Съ приближеніемъ этого срока Трофимъ начинаетъ мучиться и во всемъ признается сыну. Сынъ совершенно успокоиваетъ его, увѣривши, что бояться нечего, что не существуетъ никакихъ наградъ и не бываетъ никакихъ наказаній, такъ какъ „нѣтъ ни Бога, ни души“. Старикъ успокоивается и доживаетъ свой вѣкъ спокойно, безъ тревогъ и печалей. Такимъ образомъ, по „легендѣ“, наказаніе совершилось въ назначенный срокъ полною утратой вѣры и закончилось безболѣзненною, внезапною смертію „пераскалинаго грѣшника“. Гр. Л. Н. Толстой даетъ этой „легендѣ“ новое, свое, окончаніе, болѣе соответствующее природѣ человека, болѣе правдивое и производящее не въ примѣръ болѣе сильное впечатлѣніе. Послѣ разговора съ сыномъ, убійца успокоивается, но лишь на очень короткое время. Едва онъ легъ спать въ своей комнатѣ, какъ началось его наказаніе. „Нѣтъ Бога, нѣтъ души, нѣтъ наказаній!“ — разсуждаетъ онъ самъ съ собою. — Какъ хорошо, какъ покойно! И какъ много и долго я понапрасну мучилъ себя. Всѣ боремся другъ съ другомъ, всѣ губимъ другъ друга, чтобы жить, какъ это сказалъ Александръ. Борьба за существованіе — вотъ законъ. И другого нѣтъ. И мнѣ Богъ далъ быть побѣдителемъ. Богъ далъ! Все остается эта глупая привычка. Не Богъ какой-то далъ, а я сумѣлъ быть побѣдителемъ; вотъ мнѣ и хорошо. И всякій борись, а кто поборошь, пользуйся своею побѣдой. Я поборошь и пользуюсь“... И вотъ, мало-по-малу, онъ доходитъ до такой мысли, что и другіе захотѣли пользоваться и поступить такъ же точно, какъ онъ поступилъ. Его сынъ, Александръ, напримѣръ, навѣрное, желаетъ получить его богатство, а следовательно, долженъ желать его смерти, а если желаетъ, то и можетъ убить его или отравить, такъ какъ нѣтъ Бога нѣтъ и никакого суда нѣтъ, кромѣ людскаго, котораго легко избѣжать, дѣйствуя осторожно. Вотъ тутъ-то и начинаются жестокия мученія стараго Трофима, изображенныя съ тѣмъ необычайнымъ мастерствомъ, съ какимъ гр. Толстой умѣетъ описывать душевныя состоянія страдающихъ людей. *Послѣднее* Трофимъ дожилъ свой вѣкъ въ довольствѣ и почетѣ и похороненъ съ большою честью. „Никто, кромѣ Бога, не зналъ о преступленіи Трофима, ни о томъ, какое наказаніе постигло его съ той минуты, какъ онъ потерялъ въ себѣ Бога“. Изъ множества другихъ разсказовъ мы отмѣтимъ: *Сонъ* Н. И. Златовратскаго, *Нужда*, „наброски изъ жизни переселенцевъ“, Н. Д. Телешова, *Тифъ*, „изъ одного дневника“ Л. М. Машина, Прекрасную статью, *П. С. Мочаловъ въ артистѣ и на сценѣ*, далъ А. И. Сумбатовъ, какъ большой артистъ и талантливыи писатель, отлично понимая, въ чемъ, почему и какъ сказывалась личность и великое будущее трагика. Въ высокой степени интересно и интересно